

Книги Андрея Васильева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

ЧУЖАЯ СИЛА

Цикл
«УЧЕНИКИ ВОРОНА»

**ЗАМОК НА ВОРОНЬЕЙ ГОРЕ
ГРОБНИЦЫ ПЯТИ МАГОВ
УЧЕНИКИ ВОРОНА. ОГНИ НАД ВОЛНАМИ**

Межавторский цикл
«КОВЧЕГ 5.0»

Андрей Васильев
**МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ
ДОРОГИ СУДЕБ
ВРЕМЯ РОКИРОВОК**

Дем Михайлов
ЖИРДЯЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ЧУЖАЯ СИЛА

РОМАН

Москва, 2017
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В19

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1085

Художник
И. Воронин

Васильев А.

В19 Чужая сила: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 346 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2563-1

Что можно получить, совершив доброе дело? Например, благодарность. Или похвалу. А может, просто хорошее настроение? Но это если все пойдет так, как у людей водится. А если нет...

Александр Смолин, обычный московский парень, работающий среднестатистическим клерком в банке, помог вроде бы самому обычному старику, когда тому стало плохо на улице. Правда, помощь запоздала, старик умер. Плохо, конечно, но все мы смертны. Но старик тот возьми да и окажись ведьмаком. А тем перед смертью непременно кому-то свою ведьмачью силу передать надо, вот Смолин и попал под ее раздачу. И тут такое началось...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Андрей Васильев, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2563-1

*Все персонажи данной книги выдуманы автором.
Все совпадения с реальными лицами, местами,
происходящими или произошедшими ранее событиями
не более чем случайность.*

ГЛАВА 1

Спешка — враг всего сущего на земле. Мне это прекрасно известно, поскольку с раннего детства мама и бабушка неустанно повторяли в унисон: «Санечка, если не хочешь никуда опаздывать, учись бережно обращаться со временем. Собирайся заранее, выходи из дома с запасом». И так — изо дня в день, из года в год. Вот только не пошла их наука мне впрок — я все равно не научился искусству приходить куда-то вовремя. То есть иногда мне это удается, но какой ценой! Растрепанные волосы, сбившееся дыхание и красные щеки — вот обычный результат моих забегов на короткие, средние и длинные дистанции. Как сказал бы мой приятель Павел, я выгляжу так, словно только что кого-то... Ну, вы поняли.

Да кабы так, то еще ничего, мне бы не обидно было. Это и вспомнить приятно, особенно если женщина красивая. Да шут с ними, с воспоминаниями, тут даже сам факт того, что красавицу вот так, на ходу, между прочим... Самооценка до небес взлетит. Проще говоря, это причина, которой можно не стыдиться. А у меня что? Как правило, это поиски свежей или хотя бы не слишком мятой сорочки, а также попытки обнаружить в квартире местонахождение смартфона. Вот типичные причины того, почему я всегда опаздываю. Это даже не следствие моей безалаберности, это просто фигня какая-то. Я даже иногда думаю — может, меня кто-то проклял?

И если уж совсем честно, на кой ляд я сдался очень красивой женщине? Кто я такой есть? Среднестатистический клерк со всеми прилагающимися к этой общности людей характерными чертами, то есть с намечающимся от сидячей работы и сухомятки животиком, зарплатной картой, на которой постоянно нет денег, и перманентно сонными глазами.

Да еще и с дурацкой привычкой везде опаздывать, а особенно — на работу. И налетать за это на штрафы.

В довершение всего недавно у нас на работе турникеты установили, те, к которым личные карточки надо прикладывать. И теперь в начале каждого месяца подводится эдакий баланс — кто на сколько опоздал, кто как часто курить бегал, ну и так далее. Начальник службы безопасности Силуянов лично все проверяет, и в эти дни из глубин третьего этажа нашего здания, из того отсека, где «безопасники» сидят, раздается его демонический смех. Я как-то его слышал, когда к ним документы на визирование относил. Очень страшно. Серьезно.

Впрочем, это рвение легко объяснимо. «Безопасникам» турникет надо как-то окупать, и делается это за наш счет. Штрафы — они такие штрафы, и никого они не минуют. А особенно — меня.

Просто мне от службы безопасности перепадает больше, чем остальным. Силуянов меня отчего-то сильно не любит, причем этого даже не скрывает. В чем причина — неизвестно, но факт есть факт. Если к кому-то вроде Пашки Винокурова из казначейства он иногда благоволит, закрывая глаза на более-менее несерьезные проколы, то все мои косяки, даже мельчайшие, непременно учитываются и превращаются в служебные записки, которые идут на стол к руководству. Я иногда уже чихать боюсь, серьезно. А вдруг обвинят в том, что сознательно собираюсь заразить особо опасным вирусом гриппа всех-всех-всех сотрудников нашего банка, а это уже диверсия. Или даже хуже того — теракт. Накатает Силуянов злобную телегу председателю правления, выведут меня во внутренний двор и, даже не дав сказать последнего слова, расстреляют. Единственный плюс в этом — попробовать перед словом «Пли!» все-таки высказать этому блюстителю порядка то, что я о нем думаю. Выкрикнуть: «Гад ты плешивый!» — и принять в грудь град пуль, а после красиво завалиться на бок, пятная кровью асфальт.

Тьфу, какая чушь в голову лезет сегодня. Хотя когда о подобной ерунде размышляешь, то дыхание от быстрой ходьбы, почти бега, не так сбивается.

Итак, с самого начала, а то я опять бегу впереди паровоза. Впрочем, это моя отличительная черта — я все время спешу, даже рассказывая о себе. Меня зовут Александр Смолин, я ра-

ботаю в одном из московских банков в службе финансового мониторинга. Мне двадцать четыре года, я не женат... Уже не женат. Хотя по здравом размышлении назвать браком шесть месяцев непрерывных скандалов, первый из которых грянул сразу после росписи, а последний завершился аккуратно после получения свидетельства о расторжении брака, трудно. Для меня самого загадка, зачем я тогда в загс направился вообще. Точнее, мы направились. Ведь с самого начала было понятно, что эта попытка никуда не годится. Впрочем, это вопрос, на который ответ не будет дан никогда. Если бы хоть половина мужчин смогла ответить на него, то одной извечной тайны бытия стало бы меньше.

Нет, на самом деле все было не так уж и плохо сначала. Мне иногда кажется, что если бы мы со Светкой не завершили конфетно-букетный период так стремительно, то все могло бы быть по-другому. Хотя нет. Ее мама все равно приняла бы деятельное участие в происходящем.

Не стану скрывать — процентов на пятьдесят я виню в нашем разводе эту старую... леди. Думаю, вы поняли, какое слово я имел в виду, да? Там нет никакого носа крючком и седых патл под платком, напротив, Полина Олеговна очень за собой следит, тратит кучу мужниных денег на процедуры и, подозреваю, даже делала пластику. Но все равно она... Да ведьма она, чего уж.

Ладно, все. Ведь давал же себе слово забыть и о Светке, и о ее мамаше. Что было, то прошло. Как там у нас в корпоративном уставе написано? «Мы команда единомышленников, уверенно смотрящая в будущее». Ну, слово «команда» следует заменить на «террариум», а так все верно. Позитив и уверенность — вот что следует излучать сотруднику преуспевающей компании. Нет-нет, тут никакой иронии, пока все так. Мы даже проверку ЦБ благополучно прошли, по нашим временам это серьезный показатель успешности.

И это, бесспорно, заслуга всего коллектива.

Черт.

Прав был Винокуров, через какое-то время мы все начинаем думать и говорить казенными штампами, фразами из должностных инструкций и рекламных буклетов. Даже в быту. Даже с самими собой. Я думал, он шутит, но похоже, что нет.

Я мчался по Гоголевскому со скоростью чайки, летящей над бушующим морем к берегу, мой «Самсонайт» хлопал меня по боку. А может, успею? Что там осталось? Семь минут? Точно успею! Сейчас на переход — и вот он, Сивцев Вражек.

Наш славный «СКД-банк» расположен отменно, это частично компенсирует не самую большую, по столичным меркам, зарплату, периодическое помешательство высшего руководства, выражающееся в генерировании изначально невыполнимых идей, и придирки Силуянова.

Сивцев Вражек — это очень уютная московская улица, которая умудрилась сохранить свой облик даже в наше стремительное время. В ней есть какое-то очарование той Москвы, которую теперь все чаще называют Старой, причем имея в виду не восемнадцатый и девятнадцатый век, а середину — конец двадцатого.

Девяностые годы, понятное дело, ее все-таки потрепали, несколько зданий перестали существовать, но все-таки эта улица сумела уцелеть. Вроде вокруг центр с его круглосуточным шумом большого города, слева — Остоженка, справа — Новый Арбат, и при этом на Сивцевом Вражке всегда тишина и покой.

Плюс до «Кропоткинской» недалеко. Или до «Смоленской», хотя туда топать подальше будет. Это очень удобно, когда разные ветки метро рядом. Наша жизнь такая — никогда не знаешь, куда тебя вечером занесет.

Хотя меня редко куда-то заносит в последнее время. И сам не хочу, да и, если честно, не зовут никуда особо. Да и раньше не звали, еще в институте. Это Винокуров у нас фейерверк, вокруг него даже воздух искрит. Шутки, прибаутки и все такое-прочее, включая восхищенные взгляды девчонок из кредитного и даже операционного. Просто последних чем-то удивить сложно, они с клиентами работают, а это полностью отбивает все чувства — от удивления до отвращения. На «текучке» сидеть — это, я вам скажу, еще то удовольствие.

Так вот, он такой, а я... Я не умею вот так создавать вокруг себя праздник. И рад бы, да не получается, как у Пашки. Хотя что врать, хотелось бы.

Нет-нет, я тюфяком никогда не был, но и в заводилах сроду не ходил. Не хватает мне для этого чего-то. Чего именно — не

знаю. То ли напористости, то ли уверенности в себе, то ли еще чего. Например, харизматичности.

Светка говорила, что я просто не умею в нужный момент подать себя соответствующим образом и проявить необходимую гибкость и предприимчивость. Ну, это я красиво завернул, так-то она меня просто тюленем называла. Но смысл-то этот?

Ну да, не умею. Дома решаю вечером — пойду и потребую. А на работе как-то не выходит реализовать задуманное. То не ко времени, то еще что. Или просто ежедневная карусель закружит, и вспоминаешь о задуманном только по дороге домой.

Потому, наверное, и сижу на своей должности уже третий год без повышения. Не скажу, что меня это сильно расстраивает, но все-таки немного обидно, что Людка Кузнецова, пришедшая через год после меня и у меня же обучавшаяся, уже заместитель начальника отдела, а я все так и роюсь в проводках предыдущего дня, отыскивая среди них сомнительные операции.

Утешает только то, что я не один такой. Имя нам — легион. И успокаиваем мы друг друга на перекурах фразами вроде:

— Зато нам любая проверка по фигу. Отдуваться-то начальникам, а мы свое дело сделали — и домой.

Сомнительное утешение, но лучше такое, чем никакого.

Вот так, за размышлениями, я пробежал половину Гоголевского бульвара и был совсем рядом с переходом, за которым начинался Сивцев, но тут меня остановил женский оклик:

— Молодой человек, вы не поможете? Тут дедушке плохо, надо его хотя бы поднять, что же он так лежит? А нам не справиться.

Я посмотрел налево — и верно, на скамейке боком лежал тучный старик с багровым лицом, а около него суетились две женщины. Как видно, молодые мамы, поскольку рядом с ними стояли прогулочные коляски с карапузами, с интересом наблюдавшими за происходящим.

— Не можем поднять, — жалобно посмотрела на меня одна из женщин, миниатюрная брюнетка. — Очень он тяжелый. «Скорую»-то мы вызвали уже, да пока она сюда доедет.

— Может, тогда лучше и не трогать? — резонно предположил я. — Пусть себе лежит. Пошевелим его, а в голове дедушки какой сосудик лопнет, еще хуже станет.

Не скажу, что мне было трудно им помочь, но эта идея не очень понравилась. Сейчас я его подниму, он, не дай бог, крикнет, и быть мне крайним.

— Надо, — с уверенностью человека, который постиг все тайны медицины, сказала брюнетка. — Я читала. И у Малышевой видела в программе. Или не у Малышевой? В общем, надо.

Ну, раз у Малышевой, тогда конечно. Да и что теперь? Остановившись рядом со скамейкой, я все равно опоздал и тем самым обрек себя на очередную объяснительную. И на штраф.

Я перекинул ремень «Самсонайта» через шею, чтобы сумка не мешала, и посмотрел на старика.

Глаза у него были плотно закрыты, он трубно сопел красным широким носом, чем-то напоминая закипающий чайник, на виске дергалась жилка. Как видно, ему и впрямь было лихо.

На белой, в мелкую клетку рубахе у него расплылись темные пятна, что и неудивительно — утро выдалось жарким, благо июнь на дворе, а масса тела у деда изрядная. Еще подниму ли? Что-то я в этом засомневался.

— Ну-ка, отец. — Я чуть присел и подхватил его под руки, слегка поморщившись от ударившего в нос запаха старости и пота. — Что же это тебя так растопырило-то?

— Так годы, — заставив меня вздрогнуть, басом ответил дед. — Дожали, проклятые.

Напрягая все свои скромные силы (я не спортсмен от слова «совсем»), я кое-как усадил старика. Сделав это, плюхнулся на скамейку рядом с ним.

— Дедушка, может, вам таблетку? — спросила у него сердобольная брюнетка. — У меня, правда, нитроглицерина нет и валидола тоже, но есть но-шпа.

— Что мне твоя таблетка? — так и не открыв глаза, спросил у нее старик. — Все уже, пора мне за кромку. Тут лекарства не помогут, тут другое надо.

— Зря вы так, — вступила в беседу вторая женщина, в отличие от своей подруги — блондинка. — Я вот недавно в журнале читала, что наша жизнь зависит от нас самих. Если говорить себе, что ты здоров, то и будешь таким. Если в это по-настоящему верить, имеется в виду. Нет, медицину со счетов сбрасы-

вать не следует, это само собой, но эмоциональный настрой и постоянный позитив очень многое решают.

— Ну да, ну да, — расхохотался дед, показав на редкость хорошие для своего возраста зубы. Может, вставные? — Скажешь — не болят кишки, вот они и пройдут сами собой.

Смех, похоже, подкосил его окончательно, поскольку он сразу же закашлялся, хрипло задышал и приложил руку к правому боку.

— Плохо, — сообщил старик нам и наконец открыл глаза. — Не поможет мне вера, вот какая штука, девки. Не может помочь то, чего нет.

Женщины поджали губы, как видно, слово «девки» им не сильно понравилось.

Судя по всему, дед был плох, но прямо сейчас богу душу отдавать не собирался, потому я счел свою миссию выполненной. Я не медик, что мог — то сделал.

— Пойду. — Я встал со скамейки. — Просто мне на работу пора.

— Спасибо тебе, парень, — прогудел старик, повернув ко мне голову. — За помощь — спасибо.

Я пересекся с ним взглядом и немного опешил. Это у него линзы, что ли? Просто до того я не видел у людей такого радикально зеленого цвета глаз. Я вообще не очень хорошо разбираюсь в их цветах. Кто-то вот различает карие глаза и голубые, а по мне все они одинаковые. Но тут цвет был очень уж ярко выражен.

— Да не за что. — Я глянул на экран смартфона, который достал из кармана, и убедился, что точно опоздал. — Все мы люди, все мы человеки.

— Спорный вопрос, — заметил старик, закашлялся, а после вытер рот рукавом рубашки. — Можешь мне поверить. Да постой, куда собрался? Скажи, ты из городских?

— В смысле? — не понял вопроса я.

— Родом из города? — уточнил старик.

— Ну да. — Меня, если честно, он начал раздражать.

Ну вот какое ему дело до того, где я родился? И потом, не люблю я откровенничать с незнакомыми людьми.

— А родители твои — тоже городские? — настырничал он.

— И родители, и родители родителей, — добавив в голос сарказма, ответил я. — Дедушка, я пойду, извините. Времени совсем нет.

— Да и нам пора, — сообщили почти в унисон женщины с колясками.

— Плохо, — пожевал губами старик. — Городской, да еще и обормот, похоже, изрядный. Вон, рубаха-то из штанов торчит. Иэ-э-эх... Ладно, парень, держи руку, что уж теперь.

Я не понял сначала насчет рубашки, но, бросив взгляд вниз, сообразил, о чем говорит странный дед, — вылезла она немного из-под ремня. Тоже мне, модный критик. Бывает. Не из ширинок же?

Заправив ее, я заметил, что дед так и не опустил руку, протянутую мне. Мало того — он внимательно смотрел на меня, явно ожидая ответного жеста.

Надо позать — пожму, ничего такого здесь нет. Может, после этого он от меня отстанет, и я наконец-то с чистой совестью отправлюсь на работу?

Широко улыбнувшись (люди это любят), я сжал его широченную ладонь. Точнее, попробовал это сделать.

— Тонковат в кости. Эх, городские! — просипел дед, сжимая мою руку. — Ладно, ничего. Главное, чтобы стержень внутри был, чтобы сдюжил. Чтобы, значит, не пропало...

Что он имел в виду под словами «не пропало», я так и не понял. Да и когда? Дед закрыл глаза, его рука сжалась как клещи, сдавив мою ладонь так, что я даже взвыл от боли, но это были еще цветочки.

Ягодки начались через пару секунд. Меня как молнией от головы до пят пробило, это точно был электрический разряд, его ни с чем не спутаешь. В детстве я как-то мамину шпильку в розетку засунул, так что ощущения помню прекрасно. Как вообще меня тогда не убило, до сих пор голову ломаю.

Вот и здесь было то же самое. Меня пару раз тряхануло, я попробовал вытащить свою руку из железного захвата старика, но сделать этого не удалось. А потом в голове что-то бумкнуло, перед глазами рассыпался яркий пучок искр, и я потерял сознание.

— Помер он, — именно это было первое, что я услышал, когда пришел в себя. — Не дышит. А твой?

Мне на лицо полилась какая-то жидкость.

— Вроде живой, — неуверенно произнесла брюнетка, голос которой я узнал.

— Живой, — недовольно сказал я и открыл глаза. — Все-все, не лейте больше!

Представляю, что стало с воротником рубашки. Да что с воротником — с моим внешним видом в целом. Лежание на земле, пусть даже и на облагороженном и аккуратненьком Гоголевском бульваре, не способствует сохранению опрятного внешнего вида.

Что это было-то? Отчего меня дернуло так, что я даже сознание потерял? Ерунда какая-то.

— Ну, хоть этот в порядке, — обрадовалась вторая женщина и испуганно посмотрела на деда, который так и сидел на скамейке, снова закрыв глаза.

Хотя нет, не так. Проглядывала в его облике какая-то неуловимая деталь, безоговорочно свидетельствующая о том, что этот человек не спит, не думает о чем-то, а мертв. Какая-то фатальная расслабленность была видна сейчас в позе старика, слишком уж умиротворенное лицо, у живых такого не бывает.

Говорят, что раньше, в старые времена, люди мертвецов боялись. Не в мистическом смысле — ходячие трупы бывают только в фильмах ужасов, а просто не любили люди вида смерти. Такое уж свойство есть у человеческой природы, живое — живым, мертвое — мертвым. Нет, есть отдельные личности, которым смерть — сестра, подруга и сфера деятельности, но это, скорее, исключения из правил. Понятно, что медикам и полицейским без этого никуда, но остальные люди, с более мирными профессиями, старались держаться от мертвых подальше. Ясно, что совсем уж отстраниться от этого у них не получалось, но одно дело — свой мертвец, дедушка там или бабушка, и совсем другое — совершенно незнакомый тебе покойник.

Три последних десятилетия отучили горожан, по крайней мере московское народонаселение, бояться подобного. Ревущие девяностые, с их постоянными перестрелками и утренними трупами на улицах, в результате отбили у людей привычку с воплями шараться от мертвых тел. Как, впрочем, и без особой нужды их трогать, чтобы не нажить себе лишних проблем. Одно время было так — кто нашел покойника и о нем сообщил куда следует, тот и есть злодей-убийца. Циничные же нуле-

вые, в которые я рос, в свою очередь, выработали дополнительный защитный рефлекс при виде чужой боли, бед и смерти, добавив людям толику равнодушия. Что поделаешь — люди смертны. И потом — все там будем. Со своими бы проблемами разобраться.

Говорят, что на периферии народ душевней, мимо не пройдет, поможет незнакомому человеку, даже если тот не просит о помощи. Хорошо им там. У нас такого давно нет.

Вот и сейчас — вроде бы что-то не то происходит, один человек, похоже, помер, второй валяется на земле и его поливают водой, а люди знай проходят мимо. Бросят любопытный взгляд, блеснут глазами — и бегут дальше. Все так, все верно — пока к ним не обратились, лезть не стоит. От греха.

Нас это не касалось, мы уже по самые уши вляпались в ситуацию. Нет, дед, который еще пару минут назад кхекал, говорил странные вещи и трубил носом, а сейчас безмолвно раскинулся на скамейке, бесспорно, вызвал у нас троих чувство жалости — все-таки живой человек был. Но почти немедленно к жалости примешалось и раздражение, по крайней мере, у меня.

— Новое дело. — Я встал на ноги и отряхнул брюки. — Он еще и помер. Ну все, теперь точно прогул заработаю. Пока полиция приедет, пока протокол составят... Еще и в отделение небось потащат.

— Мы не можем в отделение, — переглянулись женщины. — Нам скоро есть и спать. У нас режим.

— Вы спортсменки, что ли? — изумился я.

— Да нет. Нам — это, в смысле, им. — Брюнетка показала на серьезного малыша в коляске и звонко рассмеялась, но тут же осеклась, испуганно посмотрев на покойника. Ну да, рядом с мертвым телом как-то неловко хихикать. — У вас просто детей нет, а то бы поняли.

— У вас режим, у меня работа. — Я снял сумку и поставил ее на скамейку, после стянул с себя пиджак. — В результате ни мне, ни вам не видать желаемого. Черт, черт, вся спина угвадалась!

— Скажите. — Блондинка качнула коляску. — А вы отчего в обморок упали?

Ее подружка немедленно с интересом уставилась на меня.

— Не знаю. — Я постучал рукой по пиджаку и поморщился при виде пыли, которая из него полетела. — Сам не понял. Но вообще он мне руку очень сильно сжал, чуть не раздавил.

— Наверное, болевой шок, — со знанием дела сказала брюнетка. — У Малышевой про такое рассказывали.

— И у доктора Комаровского — тоже, — поддержала ее подруга.

— Девушки, милые, — я натянул пиджак и закинул сумку на плечо, — давайте я вам оставлю свой телефон и пойду, а? Мы же взрослые люди, понятно, что дед помер сам по себе, скорее всего от инфаркта, медики наверняка это подтвердят. А если у ментов будут вопросы, то я подъеду куда надо и дам показания.

Вообще-то это было не очень правильно, в подобных ситуациях лучше разбираться на месте, но очень мне не хотелось заработать прогул. Силуянов такое точно не проморгает, накатает докладную и отправит ее наверх. Не скажу, что у меня служебное положение шаткое, но кто знает? Лишний «косяк» никому не нужен.

Впрочем, можно будет у полиции справку выпросить, они вроде такую выписывают. В конце-то концов, я гражданский долг выполнял, помогал ближнему своему.

— Нет-нет, — посерьезнела блондинка. — Оставайтесь с нами. Мало ли что?

— И вообще, правильной будет, если мы уйдем, а вы останетесь, — поддержала ее брюнетка. — Вы мужчина, вам и разбираться. У меня вот муж...

Что там у нее с мужем, я так и не дослушал, поскольку заметил полицейский наряд, который неспешно шествовал по бульвару, как видно совершая свой будничные обход.

— Господа полицейские! — зычно крикнул я и помахал рукой. — Можно вас?

Немногочисленные прохожие с большим интересом стали окидывать нас взглядами, но все так же шествовали мимо.

— Сержант Синицын, — козырнул один из полицейских, когда наряд подошел к нам. — Что у вас слу... Опа. Жмурик.

— Ага, — вздохнул я, показывая на старика. — Меня вот женщины окликнули, сказали, что деду плохо, он даже на скамейку завалился. Мы его подняли, он с минуту поговорил,

руку мне пожал, вроде как вместо «спасибо», и того... Вот и вся история.

— Инфаркт, — со знанием дела сказал второй, безымянный полицейский. Он осмотрел тело, оттянул веко, пытаясь что-то увидеть в мертвом глазу старика, и сейчас деловито и умело лазал по его карманам. — Саш, документов нет. Свезло нам, получили мы неопознанный труп.

— Он вам никак не представился? — с надеждой поинтересовался у нас сержант Сеницын. — Может, фамилию свою назвал или хотя бы имя?

— Нет, — покачал головой я. — Ничего такого не было.

— Я так думаю, он деревенский был, — неожиданно подала голос блондинка. — Речь у него была не городская. Нас девками назвал. Не в смысле — девки из сауны, а так, как в деревнях говорят.

— Да-да, — подтвердила брюнетка. — Так и было.

— Час от часу не легче, — вздохнул безымянный полицейский. — Ладно, надо труповозку вызывать. Скоро тут солнце будет, дед тучный, начнет еще оплывать. Да и детей скоро прибавится, ни к чему им на такое смотреть.

— Мы «скорую» вызвали, — поделилась с ним брюнетка. — Минут как пятнадцать уже.

— Молодцы, — одобрил сказанное сержант Сеницын. — Давайте-ка я пока ваши данные перепишу. Скорее всего, вам придется подойти к нам в отделение, дать показания.

— Но это не сегодня? — с надеждой спросил я. — Не сейчас?

— Нет, — обрадовал меня сержант. — На неделе. Следователь с вами свяжется. Да тут дело ясное, не переживайте. Пожилой человек, грузный, перепады температур, вот и... Сами посудите — пять дней назад жара, три дня назад чуть ли не минусовая температура, а сегодня — опять пекло. Такое не всякий молодой легко перенесет. У меня вот голова болит не переставая.

К моей великой радости, все закончилось быстро. Сержант Сеницын записал в блокнот наши данные, для проверки набрал телефонные номера, убедился, что они действительно существуют, и наконец сказал:

— Все, граждане, больше не задерживаю. С вами свяжутся.

Я распрошался с женщинами, которые тоже были невероятно рады тому, что все закончилось, и поспешил к переходу.

Уже перейдя дорогу, я зачем-то обернулся и увидел, что к полицейским, присевшим на лавочку рядом с трупом, подошла парочка — молодой парень в светлой куртке и невысокая девушка, чьи рыжие волосы ярко блеснули в лучах утреннего солнца.

Интересно, это кто? Ну не сердобольные же граждане? Хотя чего гадать? Какая мне теперь разница? У меня теперь другой вопрос на повестке дня стоит — как в банк пройти.

Дело в том, что для сотрудников у нас есть отдельный вход, где как раз и стоят вышеупомянутые турникеты, которые фиксируют время прихода и ухода. Но кроме него, естественно, есть еще и парадный вход для клиентов, большой и красивый, отделанный мрамором и с дверями на фотоэлементе. Иногда серьезно опоздавшие сотрудники именно через него умудряются проскользнуть на работу, но тут все не так просто. Во-первых, многое зависит от того, какая смена охранников несет вахту. Есть ребята, которые прикроют и промолчат, а есть такие, которые непременно заложат, да еще и подтвердят это видеокадрами с камер наблюдения. Во-вторых, тут может возникнуть некая коллизия — турникет не отметит того, что ты вообще пришел в офис, то есть тебя вроде как и нет. Но при этом по факту ты есть, и это все подтвердят. Силуянов поймет, в чем дело, и затаит зло. В-третьих, самое неприятное — если тебя на подобном прищучат, то проблемы будут куда более серьезные, чем если ты просто опоздаешь. Одно дело — нарушение трудовой дисциплины, другое — попытка умышленного обмана службы безопасности и руководства банка. Это не я такую фразу придумал. Это так Ленку Денисенкову недели две назад честили на «разборе». Ее как раз на подобном прищучили и по этой причине почти полчаса в кабинете начальника отдела по работе с персоналом препарировали, мозг чайной ложкой не торопясь выедали.

Впрочем, она легко отделалась, штрафом. Мне такое не светит, мне в подобном случае чего-нибудь похлеще впают. Могут даже сослать в дополнительный офис, куда-нибудь в Обнинск или Электроугли. Нет, это не каторга, и там люди работают, даже есть плюсы, например, отношения в коллективе получше. Оно и ясно — руководство-то все в Москве, отсюда в

дополнительных офисах и размеренность бытия, все чинно, благородно, по-семейному. Но сколько туда пилить-то каждое утро и оттуда каждый вечер? Застрелиться и не жить.

Я так и не вспомнил, кто сегодня на главном входе стоит, и решил не рисковать. Черт с ним, штраф так штраф. Будем считать, что я того неизвестного мне деда таким образом помянул.

Впрочем, уже через пару минут я об этом решении пожалел. Прямо у турникета я лоб в лоб столкнулся... как бы вы думали, с кем? Ну да. С Силуяновым.

— А вот и Смолин! — радостно, как-то даже по-детски обрадовался мне он и раскинул руки, как бы предлагая: «Давай обнимемся». — Голубь ты мой сизокрылый. Опять влетел?

— Не без того, Вадим Анатольевич, — хмуро ответил я, признавая очевидное. — Но у меня есть уважительная причина.

— Как и всегда. — Силуянов подошел ко мне, ухватил за плечи и немного потряс. — Как и всегда, Смолин. У тебя все дела да случаи. Но всему в этой жизни приходит конец, включая и мое терпение. Все, «дитя солнца», достал ты меня. Иди на свое рабочее место и жди моего звонка. Я вот сейчас на тебя статистику подберу, в папочку ее аккуратно положу — и пойдем к Чиненковой, там беседу продолжим.

Чиненкова — это как раз тот самый начальник отдела по работе с персоналом. Тетка она лютая и безжалостная, потому и отдел этот называют обычно не «по работе с персоналом», а «по борьбе с персоналом».

— Может, не надо? — решил все-таки попробовать выкрутиться я. — В последний раз?

— Надо. Надо, — заверил меня Силуянов, улыбаясь как родному. — Тем более что в последний раз я тебя пожалел и даже дал добрый совет. Практически отеческий. Ну, вспоминай.

Я почесал затылок. Не помню. Я его тогда особо не слушал, что он нового сказать-то может? Поорал он тогда на меня, да и отпустил.

— Вот! — Силуянов ткнул меня пальцем в грудь, попав аккуратно в галстучную булавку. — Ты меня даже не слушал. А я тебе сказал: «Купи себе вазелину и держи его в ящике стола, скоро пригодится». Не купил? Зря. На сухую больнее будет.

— Ха-ха-ха, как смешно, — не удержался я, понимая, что терять уже нечего. — Ну, если мне все равно кранты, так я пойду пока, поработаю? До экзекуции?

— Иди. Иди, родной ты мой. — Силуянов сделал жест рукой, показывая, что дорога свободна. — И жди звонка. Я подготовлю все быстро, у меня ты на особом контроле.

Вот чего он так на меня взелся? Дорогу я ему не перешел, денег у него не занимал, даже за спиной гадости почти не говорил. Ну, всяко меньше, чем другие. Но при этом гоняет он меня куда больше, чем остальных. Может, он из этих самых и так мне свою любовь демонстрирует? Школьники понравившихся девчонок за косы таскают, а начальник службы безопасности, соответственно, знай штрафы выписывает.

Хотя даже если он не из этих самых, то все равно к ним относится. Если и не по сексуальной принадлежности, то духовно — точно.

Такая меня злость взяла, вот только выхода у нее не было. Что я могу сделать? Да ничего. Только уволиться, но и это ни к чему хорошему не приведет, Силуянову-то от этого ни жарко, ни холодно. Больше скажу — он только порадуется, а потом мне еще и жизнь испортит. Из других мест за справкой о моем нравственном и профессиональном статусе к нему же звонить и будут. Представляю, что он наговорит.

— Чтоб тебя стошнило, — прошипел я в спину главного безопасника и побрел в свой отдел, ждать звонка и раздумывать о том, что делать дальше.

Прошел час, прошел второй — телефон молчал. Нет, звонки были, но рабочего характера. Силуянов не звонил.

Время подошло к обеду, и я, подумав немного, решил, что если он до того меня не вызвал, то и в обеденное время вряд ли это станет делать. Может, его вообще куда-то предправ усрал, такое случалось. Или еще что-то произошло.

Так оно и оказалось. Произошло. Об этом рассказал мне Витек Рыжков, один из тех охранников, с которыми мы, сотрудники банка, водили дружбу. Был он нормальным парнем, на нас не стучал и на разные мелкие нарушения, из которых во многом и состоит офисная жизнь, прикрывал глаза.

— Не трухай, Саня, — сказал он мне, когда я с ним поздоровался. — Знаю, что он тебя драконил с утра и обещал к Чи-

ненковой отволочь. Можешь выдохнуть, не будет сегодня ничего.

— Почему? — с неподдельным интересом немедленно спросил у него я.

— Травит его, — хмыкнув, ответил мне Витек. — Просто невероятно как.

— В смысле? — заморгал глазами я.

Витек отслужил срочную на флоте и частенько использовал в разговоре соответствующую терминологию, которую я не всегда понимал.

— Блюет он. — Витек хохотнул. — Часа два уже, с перерывами по десять минут. Валит все на какой-то йогурт, что с утра съел, и жену материт, которая ему его подсунула. Не поверишь — мне его даже жалко стало под конец, у него в брюхе ничего кроме желчи не осталось уже, его чуть ли не воздухом рвет.

— Есть на свете Бог, — с удовлетворением сказал я. — Отлились кошке мышкены слезки. Да хоть бы его и вовсе наизнанку вывернуло, даже не пожалею.

Витек не стукач, ему такое говорить можно.

— Вот ведь, — покачал он кудрявой головой. — Ты пятый, кому я это рассказываю, и ни один человек его не пожалел. Это же надо так коллективу насолить?

Я кивнул с многозначительным видом, выражая свое согласие с услышанным, и пошел обедать в соседнее кафе.

ГЛАВА 2

Вернувшись с обеда, я застал у служебного входа нечто, напоминавшее картину Репина «Боярыня Морозова». Около небольшого крылечка собралась толпа сотрудников банка, с интересом наблюдающая за тем, как два мордатых медбрата запихивали в машину «скорой помощи» носилки, на которых находился Силуянов, бессильно грозящий кому-то пальцем и содрогающийся в рвотных конвульсиях.

Я незамедлительно присоединился к обществу, стараясь спрятать довольную улыбку. Если ее заметит кто-то из силуяновских сподвижников, то непременно об этом доложит, когда тот вернется на службу. А это случится совсем скоро, рас-

слабленный желудок не перелом конечности, такое долго лечить не будут.

— Совсем Силуянову плохо, — заметив меня, сказал Пашка Винокуров. — Прямо наизнанку выворачивает.

— Даже как-то жалко его, — вздохнула сердобольная Наташка Юрченкова из операционного. — Так человека корежит, просто беда.

И вправду — вроде только-только носилки с начальником охраны запихнули в «скорую», как из нее раздался вопль:

— Тут не блюй!

Секундой позже в проеме появился бледный как смерть Силуянов, ухватился дрожащей рукой за дверцу, чуть подался вперед и открыл рот.

Девушки брезгливо сморщили носики, но глаза не отвели, с интересом ожидая развития событий.

А их-то и не последовало. Точнее — последовали, но не те, что предполагались. Силуянов постоял с открытым ртом, схватал им воздух, издал страдальческий вопль, отпустил дверцу, пошатнулся и с грохотом рухнул на пол машины, судя по всему, изрядно брякнувшись об него затылком.

— Сдохну сейчас! — донесся до нас его страдальческий полустон-полукрик. — Живодеры, дайте чего-нибудь, пока из меня кишки наружу не пошли!

— Хорошо-то как! — не удержалась от комментария Денисенкова и сладостно вздохнула. — Вы хоть кто-нибудь это на телефон снимите, золотые кадры ведь. Я лично каждый день такое шоу пересматривать буду.

— Лен! — одновременно сказала несколько человек, подразумевая то, что подобные эмоции испытывают почти все, но говорить об этом вслух небезопасно.

— Да по фигу, — верно расценила заботу о себе общества Ленка. — Дальше Солнечногорска не сошлют, а у меня там бывший живет. Год назад он мне здесь мозги клевал, а теперь я ему там буду. Все по-честному.

Это да, Солнечногорск пока являлся конечной географической точкой присутствия нашего банка на карте страны и мира. Имеется в виду — удаленной от Москвы точкой. Туда ссылали тех, от кого хотели избавиться и не могли этого сделать официальным путем. Такое в наше время случается, причем все чаще. Сейчас все работники стали юридически подклю-

ванными и знают, что без личного согласия тебя фиг уволишь, ну, если только ты сам не дашь кадровикам в руки козырные карты вроде прогулов. Вот для таких умников и существовал дополнительный офис «Солнечногорский», до которого на электричке два с лишним часа от Москвы ехать. А на машине — и того дольше, учитывая пробки. Нет, работа — она и там работа, тем более, по слухам, управляющий в этом офисе нормальный, и живется служилому люду в нем очень даже неплохо. Но далеко-то как!

— Безумству храбрых, — пробормотал Пашка, косо глянув на Денисенкову.

— А что, доктор, долго вы его продержите? — обратился к врачу, который собрался садиться в машину, заместитель Силуянова. — День, два?

— Не знаю, — равнодушно ответил медик. — Он обезвожен здорово, хотя и не это главное. Важно понять, что послужило причиной случившегося. Тошнит-то многих, но чтобы так, до судорог... Короче, надо анализы взять, проверить все. Так что денька три-четыре мы его точно подержим. Мало ли что? Может, у вашего коллеги простое отравление, а может, чего похуже.

— А куда повезете? — помрачнел заместитель. — Территориально?

Врач переглянулся с водителем. Тот пожал плечами.

— Надо непременно будет узнать, в какую больницу его положат, — сказала Денисенкова негромко. — Я не поленюсь, передачу ему отвезу.

— Да ладно? — Виокуров даже глаза выпучил. — Ты?

— Именно. — Лена зажмурила один глаз, и ее лицо приобрело немного кошачье выражение. — Бадейку салатика из креветок. С майонезом и всем, что к нему прилагается. Нет, даже не из креветок. Я ему туда оливье отвезу. Это еще лучше.

— Мелко мыслишь, — фыркнула ее коллега по операционному и моя тезка Саша Вязьмина. Она растянула губы в ехидной улыбке, блеснула круглыми стеклышками очков и неторопливо произнесла: — Надо торт заказать, килограмма на два-три. С масляным кремом, орехами, профитролями и всем таким прочим. И с надписью: «Ждем не дождемся».

— А сверху поставить украшение, — вырвалось у меня. — Большой шоколадный унитаз.

— Жизни вообще потом не будет, — вздохнула Наташка Федотова, с которой я бок о бок сидел в своем отделе последние два года. — Не простит он. Но когда деньги на этот торт будете собирать, не забудьте ко мне заглянуть. Грех не сброситься на святое дело.

«Скорая» умчалась, а мы направились в офис. Хотя цунами на дворе будет, хоть потоп, хоть зомби-апокалипсис, сотрудники банка должны функционировать в служебное время. Ну или хотя бы создавать видимость кипучей деятельности, присутствуя на своих местах.

Прозвучит странно, но мне моя работа нравится. Вообще-то это редкость, когда люди занимаются именно тем, что им нравится. В смысле — не часто они работают теми, кем на самом деле хотели бы. Как правило, наши устремления не слишком совпадают со способами зарабатывания себе денежки на хлеб насущный. И образование — тоже. Вот Леха, мой сосед по лестничной площадке, хотел быть астрономом, даже что-то такое там окончил. Стал трейдером. Или Юра, что в бухгалтерии сидит, — он по образованию геолог. Ну, о профессии говорить не стану, все и так ясно. Нет, в каком-то смысле тоже ищет, но не руду, а ошибки в отчетах.

Что до меня — я одно из исключений, поскольку окончил финансовую академию и пошел работать в банк, причем случилось это не потому, что где-то работать все-таки надо, а потому, что мне это показалось интересным. Совпало, проще говоря, одно с другим.

К чему это все сказано? Повторюсь — я дело свое где-то даже люблю, и для меня ситуация «поработаем после работы» не внештатная. Вообще-то у нас с этим нормально, то есть день закончен, сотрудник свободен. Если «хвостов» не осталось, понятное дело.

А вообще, бывают места с более лютыми нравами. Например, все сидят и дружно ждут, пока предправ или там собственники изволят отбыть из здания. А до той поры — чтобы все на местах были, а ну как начальству захочется что-то у кого-то спросить. Ан человека-то на месте и нет!

Конечно, такое встречается не сильно часто, но тем не менее бывает. И кричать тут о своих правах глупо. Не нравится — свободен, тебя никто не держит.

Но у нас такого нет, потому самое позднее к половине седьмого в банке особо никого не остается. Охрана, пара кредитников, работающих в состоянии пожизненного дефайна и готовящих досье заемщиков к завтрашнему комитету, да, может, еще кто из казначейства.

И я. Мне все равно спешить некуда. Жены у меня, как я уже говорил, нет, постоянной подруги — тоже, из друзей — только пятничные приятели на кружку пива, которые к тому же мои сослуживцы, светскую жизнь я не веду. Вот и выходит — мне что в шесть уйти, что в восемь — все едино, никто нигде не ждет.

И ведь что обидно — опоздаешь на десять минут, так все жилы вытянут. А задержишься на два часа — хоть бы какая сволочь заметила. Хотя все логично. Опоздание происходит в оплаченное работодателем время, а вечером ты тратишь свое личное. Это твой выбор, и больше ничей.

Когда я вышел из здания банка, небо уже потемнело.

— Однако засиделся, — сообщил я невесть кому. — Это перебор.

Ночь летом опускается на город сразу, не так, как весной. В мае это постепенный процесс, сначала приходят сумерки, потом они стущаются, и только после этого наступает ночь. Летом, особенно когда оно близится к середине, такой роскоши нет. Просто наверху некто дергает рубильник, и солнце после этого стремительно валится за дома, уступая свое место луне.

Я люблю летние городские ночи. Кому-то это может показаться мазохизмом или даже дурью, но мне нравится город в свете фонарей. Асфальт отдает жар, накопленный за день, запыленная листва еле слышно шелестит о чем-то своем, наконец появляется ветерок, который приятно остужает щеки.

И — запах. Особый городской летний ночной запах, в котором есть все, кроме кислорода, и который ни с чем не спутаешь. В нем смешалось то, из чего состоит мегаполис, — пыль, смог, выхлопные газы, женские духи всех видов и еще бог весть что. Казалось бы — как можно дышать этим всем? Можно. Странно, но куча не самых приятных ароматов, перемешавшись, создает нечто среднее, которое жители вдыхают не без удовольствия и даже называют ночной прохладой.

Кстати, а вы знаете, что у любого горожанина, впервые за долгое время выехавшего на природу, непременно день-два болит голова? И дело не в смене климата и не в погоде, просто мы отвыкли от чистого воздуха как такового.

Когда я наконец-то доехал до своей станции и вышел из метро, совсем уже стемнело. Ночь вступила в свои права, а на небо выбралась луна. Наверное, можно было бы сказать, что она залила все вокруг своим серебристо-призрачным светом, но это будет неправдой. Негде ей в городе толком разгуляться, здесь слишком много света даже в темное время суток. Фонари, реклама, вывески магазинов заслоняют лунный свет. Москва — город, который никогда не спит.

Впрочем, есть и здесь места, где можно пройтись по лунной дорожке. Например, в парке, который я дважды в день пересекаю — по дороге из дома и по дороге домой. У него не самая хорошая слава со времен лихих девяностых, тогда здесь частенько выясняли свои сложные взаимоотношения братки, после чего под елками и кленами периодически находили простреленные тела, но это когда было? И не вспомнишь уже. А дорогу срезать через него можно очень даже неплохо.

Вот здесь луна была в своем праве, она заливала серебром верхушки деревьев, бросала блики на квадратные плитки дорожек и рисовала дрожащие зигзаги на глади маленьких прудов.

Как я уже сказал, меня всегда радовала ночь с ее относительной тишиной и аурой тайны, которую люди до сих пор не разгадали, но сегодня почему-то я ощущал связь с нею особенно остро.

Более того — топая по парку, я с удивлением отметил тот факт, что стал лучше видеть в темноте. Например, раньше я точно не мог разглядеть скульптуры на детской площадке, которая оставалась слева от меня, а сегодня — пожалуйста, да так отчетливо, что только диву даешься.

Впрочем, это было меньшей из странностей. Когда в кустах, которые я миновал, подала голос ночная птица, то я безошибочно мог сказать, на какой из веток она сидит. Мало того — я откуда-то знал, что называется она «зарянка». Следом за этим в голову полезли совсем уж странные мысли о том, что надо бы запомнить место и следующей весной, в конце апреля, но не позже, сюда наведаться и загадать желание. А если

повезет — то и свистнуть из ее гнезда яйцо, в хозяйстве все пригодится. Главное — не забыть прочесть при этом заговор и снять с себя проклятие, которое после этого непременно может ко мне прилипнуть.

Весь этот шквал странных мыслей и не менее странных желаний так захлестнул меня, что я даже остановился и потер лоб.

Ладно. Предположим, про зарядку эту я по телевизору мог слышать, я программы «Нэшнл географикс» при возможности смотрю охотно. Но что за чушь с желаниями и яйцами, это-то откуда у меня в голове взялось? И что примечательно — мысли странные, непонятные, но при этом они кажутся мне совершенно естественными и привычными.

Может, все? Может, пора на прием к психотерапевту? У нашего брата офисного служителя всякое случается. Стрессы, злоупотребление анксиолитиками и даже нейролептиками, стабильный недосып — это все не ведет к крепкому психическому здоровью. Вон мне приятель, работающий в крупной торговой сети, рассказывал, как у них один паренек из отдела продаж накануне отчета перед собственниками поехал умом, решив, что он — скрепочка из Word. В старой версии такая была, помощником называлась. Реально решил, что он скрепочка, задорно моргал глазами, предлагал дружить всем окружающим и забавно сучил ногами и руками.

Хотя не связывается. Бред, каким бы он ни был, всегда основан на знаниях, уже имеющихся у человека в багаже. Постороннее, неизвестное его составлять не может. И опять выходит, что птичка — ладно, она может в нем фигурировать. А ее яйцо на пару с проклятием — нет.

Я помассировал виски и глубоко вдохнул воздух. Он был чуть сыроватый и одновременно очень сладкий. В нем смешались ароматы земли, чуть подопревшей листвы, свежей травы. В этом уголке парка все напоминало настоящий лес. Дорожка здесь была, а вот фонари почему-то ставить не стали, как видно, в заботе о парочках, которые именно здесь ошивались чаще всего. Такая зона для уединения.

Сейчас тут было пустынно, то ли не пришел сюда никто, то ли разошлись уже. Оно и хорошо, лишними сейчас были бы для меня люди, они нарушили бы гармонию, которая внезапно меня захлестнула.

Голова чуть закружилась. Я прикрыл глаза и неожиданно для себя улыбнулся — на сердце стало очень легко, появилось ощущение, что еще чуть-чуть — и я подпрыгну в воздух и полечу. У меня такого с детства не было, лет с семи. Где-то в этом возрасте я перестал верить в то, что люди могут летать. Если не ошибаюсь, это случилось в тот день, когда я пошел в школу, а мой старший братец ехидно сообщил мне, что вся эта канитель — на одиннадцать лет.

Но и это было еще не все. Лес вокруг меня был полон звуков, на которые я раньше не обращал внимания. Я слышал, как вон под той елкой ползет змея, причем знал, что это не просто змея, а гадюка. А под корнями дуба, старого, который помнит еще те времена, когда отсюда до Москвы день езды был, ворочается барсук, тоже очень старый и умудренный жизнью. Хотя каким он еще может быть, если в городском парке сумел выжить и ни разу никому на глаза не попасться?

А еще вон там, совсем недалеко от меня, рядом с осинами в земле кто-то копается.

Я решил ничему не удивляться, взгляделся повнимательнее и сделал десяток шагов в сторону от дорожки. И вправду, рядом с тремя осинками в лунном свете я увидел маленькую сторбленную фигурку с небольшой лопаткой в руке. Она, сопя, перерубала корешок дерева. Даже не перерубала, а перетирала, поскольку инструмент у нее был деревянный. Странно, почему бы не использовать обычный металлический садовый инвентарь?

— Погибнет же зеленое насаждение, — не найдя ничего лучшего, сказал я. — Жалко.

— Да вот еще, — дребезжаще-ворчливо ответила мне фигурка. — Это осина, ее ни одна холера не возьмет. А когда мне еще осиновый корень брать, если не сегодня? Макушка лета скоро, самое время. Иди, иди отсюда.

И бабка (а кто же еще?) махнула рукой.

— А зачем вам этот корень? — заинтересовался я.

Ну а почему бы не спросить? Раз уж вокруг — сплошные странности, то надо понять, что к чему. Правда, вдруг стало как-то потемнее — на луну напоззло небольшое облачко и скрыло ее.

— Так. — Старушка прекратила орудовать лопаткой и выпрямилась. — А ты кто такой? Меня разглядел, уйти не ушел, хоть я тебя и гоню.

Она повернулась ко мне, и я увидел вовсе не старческое лицо. Никакая это не старушка, а вполне красивая молодая женщина. Невысокая — да, но вовсе не старая и не горбатая, как мне показалось с самого начала. Жалко только, луна скрылась, полностью черты ее лица не различишь.

— Здравсте, — заулыбался я.

— Здравсте, здравсте, — настороженно ответила моя неожиданная знакомица, внимательно смотря на меня. — Так ты кто такой будешь?

Она была одета в черный плащ и красное платье, и то и другое ей очень шло. Ну да, выглядели ее наряды немного старомодно, но сейчас такое в моде. «Винтаж» называется. Я даже как-то на такой вечеринке был, мне понравилось.

Женщина пылливо смотрела на меня, ожидая ответа. Я хотел было как-то отшутиться, но тут облачко, закрывшее луну на несколько минут, поплыло себе дальше, и серебристый свет вновь залил парк, деревья и мою собеседницу.

Ее лицо, прямо как в каком-то фильме ужасов, моментально преобразилось. Оно вытянулось, покрылось морщинами и бородавками, из которых торчали седые волосы, полные губы прямо на моих глазах съезжились и стали впалым ртом беззубой старухи. То же произошло с роскошными черными волосами, они из безукоризненно уложенных превратились в торчащие во все стороны седые патлы. Изменилась и одежда. То, что я принял за черный плащ и шелковое платье под ним, стало драной холщовой одеждой и замызганным передником вроде кухонного.

— Вот же! — от этих изменений я буквально оторопел. — Что за чушь?

— Э-э-э! — Старуха тихонько захихикала и потеряла изъеденные язвами руки. — Да ты непрост, щекастенький. Ты же сейчас видишь меня такой, какая я есть на самом деле!

— Лучше бы не видел, — признался я, ощущая, что все-таки надо будет к психотерапевту походить. И еще то, что я вот-вот описаюсь от страха.

— Да это ладно. — Она хихикнула. — Другое странно — ты-то чего не изменился? Луна — для всех нас луна. И еще — чего от тебя так человеческого...

Бабка повертела крючковатым носом и склонила голову к плечу, изучая меня.

— Вот оно что. Так ты, похоже, сам не знаешь, кто есть такой, — удивленно произнесла она. — Видеть — видишь, чують — чуешь, а понять-то пока ничего и не можешь.

Она прищурила левый глаз (я даже передернулся, заметив, что в нем нет зрачка) и сделала по направлению ко мне один мелкий шаг, потом второй. Ее левая рука скользнула в глубокий карман замызганного передника.

— Вот что, парень, тебе надо одну травку употребить срочно. Заварить и попить, — деловито пробормотала она, не вынимая руки из передника. — Она у меня с собой есть, я тебе ее сейчас...

Мне совершенно не нравилось все, что случилось за последнюю минуту, но те нотки, которые прозвучали в голосе старухи сейчас, просто взвинтили нервы до упора. Мне и так было страшно, а сейчас вообще ноги как к земле приморозило.

— Хорошая травка-то, — ворковала бабка, подходя все ближе. До меня донесся гнилостный запах, исходящий от нее. Более всего он был похож на тот, что идет от стоялой болотной воды. — Ой полезная. Все сразу на свои места встанет, милый. Все ты поймешь, во всем разберешься.

Ее слепой глаз словно гипнотизировал меня, впалый рот растянулся то ли в улыбке, то ли в оскале, она была совсем рядом со мной.

А дальше все произошло очень быстро. Как и когда эта старая зараза успела выхватить из своего передника короткий черный нож, я так и не понял. Равно как для меня осталось навсегда тайной то, каким образом я умудрился увернуться от очень ловкого и крайне умело нанесенного удара, который просто обязан был вспороть мне горло. Мало увернуться — еще и оттолкнуть мерзкую старуху от себя, да так, что она на землю упала. Я вообще-то изрядный увалень, чего греха таить, всегда был неповоротлив. Видно, рефлексы сработали, с ними-то у меня все в порядке.

Зато оцепенение спало и пришла предельная ясность, что отсюда надо спешно уносить ноги туда, где нет луны, но зато

есть фонари и люди. Да вообще — куда угодно, лишь бы подальше от этой страшной и непонятной бабки с ножом.

Собственно, это я и сделал, а именно — развернулся и припустил бегом так, что в ушах засвистело.

— Стой, — взвизгнула бабка. — Куда? Не твоя это сила, все одно пропадешь, а я ее к делу пристрою! Феофилушка, остави его!

Тут еще кто-то есть? Да это банда просто, только какого-то Феофилушки мне и не хватало! Надо поднажать, скоро поворот на центральную аллею, там мне никто не страшен будет.

И тут я запнулся обо что-то и со всего маху грохнулся о плитку.

Пшш, послышалось слева, и мою щеку будто обожгло.

Кошка! Или кот, я в таких вопросах не разбираюсь. Здоровый, черный, зеленоглазый. Это он по моей щеке когтями прошелся и сейчас скалится, как какая-то собака. Вот зараза!

— Держи его! — раздалось сзади. — Феофилушка!

Так это он и есть? Кот? Не какой-нибудь здоровенный мужик с тупой рожей, а кот?

Я повернул голову, и в который раз за этот час мироздание крутанулось в моей голове вокруг своей оси. Бабка гналась за мной, она была совсем недалеко, и все бы ничего, кабы не одна деталь. Ее ноги не касались плитки дорожки, это я видел вполне отчетливо. Она в буквальном смысле скользила над землей, ее глаза светились в темноте, как две гнилушки, и черный нож был крепко сжат в левой руке.

Может, я просто уснул в офисе на столе и это все мне мерещится? Так сказать — болезненные фантазии?

Нет, это не причудливые извивы утомленного мозга. Мне сейчас одновременно страшно, больно и холодно. И очень хочется в туалет.

Но вот только если бабка меня догонит, то есть все шансы на самом деле уснуть, причем вечным сном. Это меня не устраивает категорически.

— Пшш! — злобно зафырчал кот и снова занес лапу.

— Щас! — Я стартовал из положения «лежа» так, что мне позавидовал бы любой ямайский бегун. Имелся большой соблазн дать хорошего пинка наглому котятре, но это сожрало бы секунды, которых у меня и так не было.

Я так быстро даже в детстве не бегал, когда был подвижным и резвым мальчиком. Правду говорят — опасность высвобождает скрытые резервы организма. Выскочив на главную аллею, ярко залитую электрическим светом, я пробежал еще метров сто, прежде чем остановиться и обернуться.

Никого. Точнее — за мной никто не гнался, а так-то тут люди были. Вон пожилая парочка прогуливается, молодежь на лавочке пиво пьет. Просто люди.

И в аллейке, с которой я выбежал, никого не видеть. Хотя — не красное ли платье мелькнуло за деревом? Или мне показалось?

Не знаю, но выяснять не пойду. Мне бы до дому добраться и попытаться понять, что это было вообще?

Еще и щека саднит. Вот же мерзкая тварь, расцарапал-то как. Мне же завтра на работу!

Да, вот еще что. Надо с этими вечерними прогулками по парку заканчивать. На маршрутке ездить буду, как другие.

Скажу честно — в голове был полнейший хаос, в котором я никак не мог разобраться. Сегодняшний день ничем не отличался от вчерашнего и позавчерашнего. Ну ладно, позавчера было воскресенье, но это не слишком многое меняет. Моя жизнь самая обычная, и ничего такого сверхъестественного в ней никогда не случилось, если не считать того, что на государственном экзамене я умудрился вытащить один из трех билетов, которые знал. С учетом, что всего билетов было сорок пять, это можно назвать чудом.

Но и все. Остальное все строго реалистично и рационально. И тут — на тебе. Луна, запахи, эта старая ведьма.

Кстати — как есть ведьма, такая, какими их описывают в фольклоре. Страшная, нос крючком и кот-подручный. Хрестоматийный образ.

Но я точно знаю, что ведьм не бывает. Бывают шарлатанки из телешоу, бывают еще всякие «потомственные белые ведьмы Марины» и «наследственные алтайские ведьмы Евстафьи», недалеко от своих, ранее мною названных коллег ушедшие. А таких — не бывает.

Однако кто тогда мне травки предлагал и хотел глотку ножом перерезать? Фантом? Галлюцинация? Не отшатнись я — сейчас бы уже остывал под елкой.

Сдать бы ее полиции, да вот только, если я такое им расскажу, они сначала надо мной посмеются, после запись с этой беседы на «Ютуб» выложат, а напоследок медиков вызовут, для моего освидетельствования.

Что за день сегодня такой? Начинался как всегда, закончился...

Нет. Не как всегда. Вообще-то утром на моих глазах дед помер, а перед этим он меня за руку брал, и я от этого рукопожатия без чувств упал.

Есть в этом всем взаимосвязь? Скорее всего — да. Конечно, если все это рассказать тому же Винокурову, то он, скорее всего, только пальцем у виска покрутит. Но я, после того как пробежался по темной аллее, запросто поверю в то, что этот дед и случившееся со мной — звенья одной цепи. А может, и Силуянов с его внезапным приступом — тоже. Я же сказал: «Чтоб его стошнило». Стошнило. Пожелал, чтобы его наизнанку вывернуло. Натурально, вывернуло.

Ведьма упоминала что-то про силу. «Не твоя это сила». Что за сила? Она ведь меня из-за нее и хотела прибить. Может, это дед мне как раз какую-то силу передал? И снова вопрос — какую? Ну не магом же я стал?

Поминутно озираясь, за этими мыслями я дошел до своего подъезда и с облегченным вздохом нырнул в него. Дом, милый дом.

Так, о чем речь? Маг. Возможно, я теперь маг. Или нет?

Я остановился у дверей лифта и махнул рукой, приказав:
— Откройся.

Не последовало.

Я использовал джедайский жест, активировав все мысленные силы.

Лифт не подчинился.

Я нажал кнопку.

Сработало, двери открылись. Техника, как и всегда, победила магию. А почему? Магии не существует. Увы.

Но Силуянова-то стошнило?

Надо поест. Это и нервы успокоит, и все в голове по местам расставит.

Живу я один. Когда-то эта квартира принадлежала моему деду, но он давно умер, я его почти не помню. Мои родители ее долгое время сдавали, а потом, когда я стал совершеннолет-

ним, спросили у меня, не желаю ли я жить отдельно, разумеется, на основе хозрасчета и самокупаемости. Я недолго думая согласился и вот уже шесть лет как обитаю тут, в типовой хрущевке на севере Москвы.

Войдя в квартиру, я первым делом запер дверь. Не думаю, что страшная бабка меня выследит, но все-таки так оно спокойнее.

И тут на меня накатило. Пока я шел по улице, в моих венах бесновался адреналин, но здесь, в моем доме, в моей крепости, меня настиг запоздалый страх.

Черт, это было очень жутко. Когда ты подобное видишь в кино, тебе тоже бывает страшно, но где-то в дальнем уголке сознания ты прекрасно осознаешь, что все ужасы — там, с той стороны экрана. И это не зомби, вампиры и ведьмы, это актеры и компьютерная графика. То есть это не более чем иллюзия страха.

А там, в парке, все было совсем по-настоящему. Вот вообще.

К горлу подступил комок, я рванул на кухню, достал из холодильника недопитую бутылку фанты (грешен, люблю газировку) и выхлебал ее до дна, давясь режущим горло газом.

Тошнота отступила, но желание есть пропало начисто.

— Бредятина какая, — жалобно сказал я, ища сочувствия невесть у кого. — А? Ведьма, нож, кот этот ее... И главное, гад, щеку расцарапал. Ну не свинство?

— Оно и есть, — подтвердил чей-то тонкий голосок. — И очень плохо, что он тебя, хозяин, поцарапал. Очень плохо.

— А? — Я повертел головой и обнаружил в коридоре, который соединял кухню и комнату, какое-то невысокое, мне по колено, мохнатое существо.

Оно увидело, что я его заметил, и робко помаhalo лапкой, приветствуя меня.

Вот тут я, второй раз за этот день и четвертый за всю жизнь, потерял сознание. Потому как живой человек и у меня тоже есть нервы.

ГЛАВА 3

В себя пришел от того, что на мое лицо кто-то брызгал холодной водой. Мало того — этот кто-то был не один, поскольку брызганье сопровождалось беседой.

— Вот ты в своем уме? — выговаривал один собеседник другому. — Кто же так делает? А если бы он помер от страха? Тут о таких, как ты и я, забыли все давно.

— Да быть того не может? — изумленно сказал второй. — Ну ладно я, про меня и раньше особо никто не ведал, но ты-то? Не может быть!

— Может, — сурово сказал первый. — Хотя с моим племенем все еще хуже. Честное слово, лучше бы уж просто забыли. Про нас теперь в книжках пишут, вот какая штука.

— Чего ж плохого? — снова удивился второй. — Книжка — это хорошо. В них, поди, абы про кого не напишут. Уважительно это.

— Кабы, кабы, — вздохнул его собеседник. — Книжки-то те — небывальщины. И мы, стало быть, тоже она и есть, небывальщина. Как нынче говорят — литературные персонажи. По книжкам тем выходит, что выдумали нас, ровно и не жили мы никогда. Мы есть, но нас нет. Вот так-то.

Мне стало жутко интересно посмотреть на то, какой именно литературный персонаж на меня воду брызгает. Судя по голосу, это не Наташа Ростова и не леди Гленарван. Тогда кто? И что этот выходец из книги делает на моей кухне?

Я открыл глаза и увидел некое странноватое существо, более всего похожее на гнома из старого диснеевского мультфильма, разве только что лицо у него было не румяное, а вовсе наоборот — приятно-коричневого цвета, как осенний желудь. И одежда отличалась от гномьей, никаких пестрых кафтанчиков. Его наряд, скорее, напоминал рабочий комбинезон. Кстати, росточком это существо тоже было невелико, немногим выше мохнатой чуды-юды, что я видел в коридоре.

Заметив, что я очухался, оно махнуло короткопалыми руками, охнуло, лупануло круглыми глазами-плошками и с невероятной скоростью бросилось к холодильнику, где непостижимым образом ввинтилось в щель между вышеназванным предметом кухонной обстановки и стеной. Я бы в эту щель максимум ладонь просунул. Как ему это удалось?

— Бывай! — запоздало крикнул шустрику вслед его собеседник, заметил, что я перевел на него свой взгляд, и замолчал, виновато уставившись в пол.

— А это кто был? — решил сразу прояснить ситуацию я. Ну, перед тем, как позвонить в соответствующую медицин-

скую службу. В конце концов, надо быть честным с собой. Когда видишь ведьм с черными ножами, мохнатых коротышей и существ, которые пролезают туда, куда руку не впишешь, это значит только одно — протекла у тебя крыша.

Но и любопытство никто не отменял.

Кстати, как только я смирился с мыслью, что у меня, возможно, все плохо с головой, то как-то сразу успокоился.

— Это? — вытянуло в сторону холодильника мохнатую лапку второе существо, то, которое и не подумало сбегать. — Это домовый был местный, Вавилой его кличут. Вавилой Силычем, стало быть. Душевный он у тебя. Другой-то меня мог бы и взашей с полным правом, а этот с обхождением подошел. Уважительно.

— А почему взашей? — Я прислонился спиной к стене и вытер лицо от воды.

— Так дом-то его, — даже как-то удивился моей непонятливости мохнатик. — Он в нем за порядком смотрит, он тут всему голова. А тут я: «Здрасте вам, приехал жить». Оно ему надо? Легче меня шугануть, чем оставить, без всяких разговоров. Наши бы так и поступили. А Вавила Силыч вот, выслушал, вник в беды. Нет, хороший у тебя домовый, хороший.

Мохнатик договорил, махая лапками, поклонился холодильнику и полез на табурет, как видно уставши стоять. Табурет был значительно выше моего собеседника, потому процесс вскарабкивания был непросто и выглядел при этом комично. Я бы сказал — по-мультипликационному комично.

Он чем-то походил на неведомую плюшевую игрушку, одно время такие было модно дарить девушкам. Повертишь в руках — медвежонок не медвежонок, заяц не заяц, что-то непонятное и беспредметное, но уютное и милое. Вот и тут то же самое — что за существо — неясно, но выглядит не пугающе, скорее — забавно, как мишка-коала. Да он чем-то на мишку и похож — весь зарос бурым волосом, мордочку толком не разглядишь, из шерсти на ней только две пуговки глаз поблескивают.

— Вопросов стало значительно больше, — поведал я ему, дождавшись, когда он влезет на табурет и разместится на нем.

— Так ты спрашивай, хозяин, — бодро посоветовал мне мохнатик. — Я про что смогу — про то отвечу. Без утайки, не

сомневайся. А как по-другому? Я теперь при тебе буду состоять, если не прогонишь. Ну или не помрешь.

— Славная перспектива, — порадовался я услышанному. — Бодрит. Начнем сначала.

— Начнем, — поддержал меня мохнатик и одобрительно махнул лапкой.

— Ты кто?

— Родион я, — ответил мне он. — Но старый хозяин меня Родькой звал. Эдак звучит проще, да и мне нравится.

— Это прекрасно, — одобрил я. — Но ответа на вопрос я так и не услышал. Родька, ты кто?

— А-а-а! — хлопнул себя по лбу лапкой мой собеседник. — Понял. Я теперь твой слуга.

— Разговор глухого с немым, — вздохнул я. — Вавила Силыч, вы не объясните этому недоразумению, чего я хочу от него добиться? Мне кажется, что вы намного разумнее, чем он.

Я был уверен, что домовой где-то тут, рядом. И его можно понять. Мне бы тоже было любопытно, чем дело кончится.

— Знать он хочет, кто ты есть такой, полено деревенское, — раздался голос, который я слышал над собой после обморока. По-моему, он шел из-за вентиляционной решетки, что была под потолком. — На кой ему твое имя?

— Спасибо, — довольный тем, что угадал, сказал я. — Все так.

— Никакое я не полено, — немного обиженно произнес Родька. — Это вы, городские, все спешите, а мы привыкли все делать обстоятельно, начинать издалека, с самого начала.

— Коли ты с самого начала будешь рассказывать, то до рассвета не управишься, — назидательно сказал Вавила Силыч, выйдя из-за плиты. — Хозяину-то твоему еще поспать надо, ему же завтра на работу.

Как он это делает? Если между холодильником и стеной хотя бы зазор был, то между плитой и частью кухонного гарнитура даже щели не имелось.

— Спасибо за заботу, — окончательно теряя связь с реальностью, сказал я.

Но в этот момент я полностью убедился, что все происходящее не является моим бредом. Ну да, очень удобно думать, что ты свихнулся, тогда не надо искать объяснений всем этим

странностям. Вот только все это — реальность. Неправдоподобная, выходящая за грань разумного, да просто ломающая привычную картину мира реальность. И не имеет смысла себе успокаивающе врать.

Хотя, конечно, после рассказа о подобном любой психиатр меня без раздумий отправит в дом скорби, это с гарантией.

Но как все это забавно. Даже недавний страх в парке полностью позабылся.

— Не за что, — ответил домовой. — Это моя работа.

Надо же. По моим представлениям, домовый должен был выглядеть как раз так, как Родька. Ну, мохнатый, забавный... Вавила Силыч выглядел каким угодно, но только не забавным. Был он, как я и говорил раньше, крайне невысок, но при этом чувствовалась в нем некая основательность.

— Не знал, что у меня есть домовый, — почему-то немного стесняясь, сказал я. — Даже помыслить не мог.

— Ну, что «у тебя» — это ты маханул, Александр, — веско произнес тот. — Времена, когда домовый в одном доме жил, давно прошли. Если на каждую квартиру по одному из наших выделять, то где нас столько набраться? Подъездный я. Этот подъезд — моя вотчина, потому я не только за твоей квартирой смотрю, но и за всеми остальными — тоже.

— Глобализация, — пробормотал я, немного удивленный тем, что он еще и имя мое знает.

— Она, проклятая, — подтвердил Вавила Силыч. — Ну, значит, гляди. Вот это недоразумение на табуретке — оно теперь твое. Ты где-то умудрился ведьмачьей силой разжиться, причем немалой, а Родион к ней прилагается. Точнее — он за ней следует, потому что она, сила эта, с ним связана как-то. Он при ней вроде заложника. Я про такое слышал, мне дед рассказывал. Так что пока она с тобой, и он тут поблизости обитать станет. Он теперь твой слуга. Да ты не сомневайся, он хоть и тюха-матюха, судя по всему, но пользу принести тебе сможет.

— А ем я мало, — подал голос Родька. — И места мне много не надо.

— Стоп-стоп-стоп, — потребовал я, встал с пола и сел за стол.

Подумав немного, показал рукой на табурет и Вавиле Силычу. Тот испытующе посмотрел на меня, степенно кивнул и очень ловко, одним прыжком, взобрался на него.